

образом проверить весь касающийся изучаемого им вопроса материал с той точки зрения, нет ли в этом материале чего-либо, что могло бы противоречить его выводу. Такого рода заключительной, контрольной проверки требует научная добросовестность исследователя. В большинстве случаев отсутствие такой контрольной проверки легко устанавливается.

Заканчивая вопрос о сравнении «документальных свидетельств» для атрибуции в древней русской литературе и в новой русской литературе, необходимо отметить, что свидетельств этих для древнерусской литературы значительно меньше. Каждое из свидетельств не может быть принято само по себе. Необходимо соотнести его со всеми другими данными. Это, собственно, касается и новой литературы, но особенно следует учитывать это правило специалисту по древней русской литературе. Вот почему, забегая несколько вперед, скажем: установить принадлежность того или иного произведения древнерусскому автору мы можем только в результате работы над историей текста изучаемого произведения. Только убедительные свидетельства по истории текста могут быть и убедительными же свидетельствами в пользу той или иной атрибуции. Еще раз повторим: атрибутировать произведение, не зная истории его текста, в древнерусской литературе невозможно. В этом, как мы уже говорили, специфическая сторона проблемы атрибуции в исследованиях по древнерусской литературе.

*

Атрибуция древнерусских литературных произведений имеет свои специфические трудности.

Остановимся прежде всего на одном из самых важных для древней русской литературы вопросов атрибуции: как отличить переписчика от автора. Дело не только в том, что работа переписчика и работа автора часто переходят одна в другую, а и в том, что в приписках и записях не всегда понятно, идет ли речь о переписчике или об авторе произведения. Вот, например, известная запись игумена Сильвестра в Лаврентьевской летописи под 1110 г.: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжашю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже четъ книги сия, то буди ми в молитвах».

На основании этой записи летописец начала XV в., составивший повесть о Едигее 1409 г.,¹⁷ считал Сильвестра автором Начальной русской летописи — «начальным летословцем Киевским» и называл его «великим». Впоследствии, в XIX в., Сильвестра считали то летописцем, то переписчиком «Повести временных лет» и только А. А. Шахматовым было установлено, что Сильвестр в основном был редактором «Повести временных лет» и автором некоторых ее заключительных частей. К этому выводу А. А. Шахматов пришел в результате полного изучения всей истории текста «Повести временных лет».

Любопытны расхождения, возникшие по вопросу о роли монаха Лаврентия, оставившего о себе заключительную приписку в рукописи Лаврентьевской летописи: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако ж радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако ж и аз худый недостойный и многогрешный раб божий Лаврентей мних. Начал есм писати книги

¹⁷ Повесть эта читается под 1409 г. в Симеоновской летописи, Рогожском летописце и Никоновской летописи.